

народам, а паче сибирским, которые платят дань или ясак, все равно платить оный царю российскому, Ермаку или хану Кучуму» (там же).

⁵² См. исследования этого феномена у средневековых кочевников (в основном на монгольском материале): *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997; *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. С. 56–65.

⁵³ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. IX. СПб., 1821. Примечания. С. 254 (отдельная пагинация).

⁵⁴ *Пузанов В.Д.* Сибирское царство в геополитических представлениях тюркского мира // Тюркские народы. Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 221. Под Шейбани цитируемый автор подразумевает Шибана, жившего в XIII в. монгольского улусного правителя, сына Джучи.

⁵⁵ *Валеев Ф.Т.* Сибирские татары. Культура и быт. Казань, 1993. С. 152; *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 117.

⁵⁶ Коми легенды и предания. Сыктывкар, 1984. С. 19.

⁵⁷ Из исследований последних лет об этом см.: *Шерстова Л.И.* Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 70; Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. М., 2008. С. 101–104; *Никитин Н.И.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 80–89.

⁵⁸ Предание татар дер. Берняжки на левом берегу Иртыша (Омская область), цит. по: *Бережнова М.Л., Корусенко С.Н.* Дозор вражды и дружбы, или взаимоотношения татар и русских в Нижнем Притарье по документам и устным свидетельствам // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 5. Вып. 3 (Приложение 1). Новосибирск, 2006. С. 109.

⁵⁹ Русские. М., 1999. С. 29.

© 2012 г. А. Б. ГУЛАРЯН*

М.А. СТАХОВИЧ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Одним из незаслуженно забытых общественных и политических деятелей царствования Николая II является орловский дворянин и земец Михаил Александрович Стахович, один из основателей «Союза 17 октября» и Партии мирного обновления, который «первым возвысил голос за свободу совести»¹.

М.А. Стахович (Младший) (1861–1923) появился на свет в родовом имении дворянской фамилии Перваго-Стаховичей – селе Пальна Елецкого уезда Орловской губ. В 1882 г. он окончил училище правоведения в Петербурге, после чего около года служил судебным следователем и товарищем прокурора в Ковно и уже в 1883 г. оставил государственную службу, посвятив себя общественной деятельности. В своих воспоминаниях он с гордостью писал о том, что на государственной службе пробыл всего 11 месяцев, да и то потому, что отец разгневался за его студенческие долги. Убийство Александра II и поворот Александра III к реакции стали для Стаховича, как и для большинства либерально настроенных молодых людей, потрясением. Михаил Александрович не застал крепостное право, но, по его собственным словам, «ненавидел его понаслышке», поскольку вырос и сформировался в эпоху либеральных реформ, на идеях Ю.Ф. Самарина, Б.Н. Чичерина, И.И. Васильчикова, А.Ф. Кони².

В 1892–1895 гг. Стахович был уездным елецким, а в 1895–1907 гг. – орловским губернским предводителем дворянства³. Как известно, предводитель дворянства, второй по значению после губернатора в негласной провинциальной иерархии, предсе-

* **Гуларян Артем Борисович**, кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного аграрного университета.

дательствовал в дворянском депутатском и губернском земском собраниях, являлся по должности членом многих губернских присутствий и комитетов и председателем губернского училищного совета (Михаил Александрович много сделал для развития народного образования и земского самоуправления в губернии)⁴.

Его деятельность на посту губернского предводителя дворянства вызвала возмущение консервативной части орловского общества. «Близка наша гибель, если во главе российского дворянства будут стоять идейные космополиты, тем более опасные, что Бог не обидел их крупными дарованиями», – писал о Стаховиче орловский помещик и консервативный публицист С.А. Нилус⁵, считавший его «российским Дантоном или Робеспьером»⁶. Несмотря на эти нападки, Михаил Александрович переизбирался на пост предводителя дворянства 2 раза двумя третями голосов. В глазах образованного орловского общества он олицетворял собой земский либерализм.

Современник описываемых событий, активный общественный деятель и хороший знакомый Стаховича кн. В.А. Оболенский вспоминал: «По своему составу Орловское губернское земское собрание было одним из наиболее блестящих. Большинство в нем состояло, я бы сказал, из просвещенных консерваторов, но считалось оно либеральным, ибо в те времена (до революции 1905 года) всякий земец, стоявший за просвещение народа, за развитие земской медицины, агрономии и т.д., почитался за либерала. Для периода, предшествующего революции, было вообще довольно характерным явлением, что земства, в которых главную роль играли крупные землевладельцы и сановники, позволяли себе более резкие выступления против правительства и его местных представителей, чем земства мелкопоместные, разночинные и крестьянские»⁷. Эту важную особенность общественной жизни Российской империи начала XX в. подметила в своей работе исследовательница Н.И. Пирумова. По собранным ею данным, 90% земских либералов составляли дворяне, среди которых 80% владели крупными помещичьими имениями, каждый десятый имел дворянский титул. Это обстоятельство позволило Пирумовой заключить, что не обездоленность, а, напротив, экономическая независимость давала возможность либеральным дворянам стать в оппозицию правительству⁸; к аналогичному выводу пришел и К.Ф. Шацлло⁹. Этим предопределялась малочисленность русского земского либерализма – 300 человек на всю страну.

Конституционных идеалов земские либералы не разделяли, наоборот, считали себя убежденными монархистами, но выступали против злоупотреблений бюрократии. По словам Оболенского, «либерализм их заключался лишь в том, что они хотели быть хозяевами того дела, которым они ведали согласно существующим законам»¹⁰. Выразителем их взглядов стал кружок «Беседа», созданный 17 ноября 1899 г. после того, как Николай II ответил отказом на требование либералов провести политические реформы в стране. Кружок объединил земских либералов и просвещенных консерваторов, понимавших неизбежность и необходимость проведения преобразований¹¹. В его деятельности принимали самое активное участие орловские земцы – Ф.В. Татаринов и братья М.А. и А.А. Стаховичи¹². Свое политическое кредо М.А. Стахович изложил так: «Борьба с бюрократизмом во имя поднятия принципа самодержавия. Если бы в конечном результате наших действий оказалась бы угроза идее самодержавия, то мы были бы преступниками и нарушили бы программу нашего кружка»¹³. Таким образом, демонстрируя оппозиционность, Стахович в то же время оставался сторонником увещевания «недогадливого» царя.

Но широкую политическую известность в России Михаил Александрович получил после своей речи на миссионерском съезде в Орле 25 сентября 1901 г., созванном по инициативе орловского епископа Никанора (Каменского) и ставшем крупным событием в церковной и общественной жизни страны¹⁴. В программе съезда значились вопросы об отношении православия к раскольникам-старообрядцам, сектантам, учению Л.Н. Толстого и «все оглашенные смущения последних годов»¹⁵. Свое заключение по ним должны были дать приехавшие из разных епархий миссионеры и священнослужители. Либералы явно ожидали от съезда постановки вопроса о свободе совести и о

пересмотре отношения к иным конфессиям. Однако настроения церковных деятелей были прямо противоположными: епископ Никанор открыл форум нападками на Толстого (что должно было задеть Стаховича, близко знакомого с писателем)¹⁶, а прибывшие миссионеры живописали зверства сектантов.

В последний день съезда Михаил Александрович, приглашенный в числе других светских чинов Орловской губ., произнес пространную и эмоциональную речь в защиту свободы совести, ссылаясь при этом на Библию и на мнения выдающихся общественных деятелей XIX в. Ф. Гизо и И.С. Аксакова. «У нас уверяют, что есть свобода верования, только нет свободы исповедания. Вот эту-то ошибку, выдаваемую врагами за прямой обман, следует раскрыть ближайшим ревнителям о Церкви и дать ей властью высказать, что без последней нет и первой, – утверждал Стахович. – Законодательство вправе говорить любому подданному: “Ты можешь верить во что хочешь и как хочешь, или совсем не верить – мне все равно. Только не смей признаваться в этом ни мне, ни другим”. Но Церковь не может повторять за ним этих же слов. Больше – она не может не сказать государству: “Нет! Предоставь мне, мне единой на то уполномоченной ведать дела совести, и я исцелю и убежду всякого очевидностью истины, которая во мне, и на которой я созиждена”»¹⁷. «Теперь остается только определить: кто же запретил свободу совести в России, кто карает? – вопрошал Михаил Александрович. – Разобравшись в законах, выходит, что карает гражданская власть вместе с духовной. При этом они не только соединились, но и перемешали свои несовместимые области. Тот же Аксаков насчитывает более десяти отдельных статей в томах II, XIV, XV, XVI Свода законов, которыми на полицейские власти возложено ограждать душеспасение и руководить самой совестью православных... Гражданская власть, забрав опеку над властью духа, установив строгие кары по делам веры, в то же время коварно возложила нравственную ответственность за них на власть духовную»¹⁸. Свою речь он закончил призывом провозгласить свободу совести в России. Это выступление вызвало широкий резонанс не только в Орле, но и по всей стране. На самом же съезде не осталось ни одного участника, который не возразил бы Стаховичу. Священнослужители и миссионеры по очереди отстаивали право государства на уголовное преследование раскольников и сектантов, а епископ Никанор пытался обосновать неясность и противоречивость самого понятия свободы совести¹⁹.

Стахович также принимал участие и в совещаниях земских деятелей, организованных Д.Н. Шиповым, где горячо обсуждал проблему народного представительства. Весной 1902 г. он был вызван вместе с Шиповым к министру внутренних дел В.К. Плеве, который предупредил обоих, что если земские деятели не изменят своих убеждений, то им придется отказаться от занимаемых должностей. В этой ситуации Стахович сознательно пошел на обострение конфликта: написал министру дерзкое ответное письмо, а на курских маневрах, будучи представлен императору, отказался подать Плеве руку²⁰. От неизбежной отставки его спасло только дружеское расположение вел. кн. Михаила Александровича, продемонстрированное во время визита последнего в Орел в 1903 г.²¹

В 1905 г. политическая карьера Стаховича претерпела резкие изменения. В августе он начал усиленно пропагандировать идею создания праволиберальной партии. «Если в частной жизни можно увлекаться известными проектами, то в государственной жизни без опасности для правового порядка это не допустимо, – объяснял он свою позицию. – В самом деле, сущность каждой революции заключается в том, что государство отрывается от своих основных принципов – нравственных, религиозных, правовых – и подчиняет свою деятельность одним событиям. А что будет, если и народ окажется охваченным революцией и станет действовать с присущей ему свирепостью, подчиняясь только событиям?»²². Стахович рассчитывал опереться на поддержку земств, так как считал, что съезды городских и общественных деятелей перестали выражать мнение общества²³. В своем стремлении создать сильную партию политического центра он был не одинок. «Чем, в самом деле (на практике, а не в теории), отличается боевой клич реакционеров от клича боевой социалистической партии? – вопрошал орловский

публицист Е. Лавров в сентябре 1905 г. – Одни вопят: “Бей докторов, учителей, земцев и жидов!”, другие: “Бей помещиков и купцов, грабь землю, национализировать ее, уничтожай собственность!” – и то и другое ведет не к спокойствию, а к анархии и резне»²⁴.

В своих статьях Михаил Александрович пытался защитить проект законосовещательной Государственной думы от нападков слева и справа²⁵ (его, как сторонника просвещенного консерватизма, законосовещательная Дума, обещанная Манифестом 6 августа 1905 г., полностью устраивала). Он сравнивал Думу с мостом над пропастью, указывая, что мост может выглядеть узким, шатким, но по нему нужно идти, так как в противном случае общество вынуждено будет заполнить пропасть телами людей²⁶. «Сила будет – всеодолевающая сила, – в оправдании выборными надежд России, измученной в прошлом, истомившейся переживаемым, напуганной предстоящим, – писал Стахович. – Если Дума первыми шагами своими вселит доверие, принявшись не за теоретические споры в области политических наук, а сейчас же за самые большие нужды народа: за помощь голодающим, за установку просвещения в низших, средних и высших школах, за юридическое и экономическое обустройство крестьян – она от популярности своего появления дойдет до такого авторитета... что никакой регламент не будет иметь для нее значения»²⁷. Таким образом, земский деятель остался верен прежним идеалам народного блага. Он был убежден, что представительный орган, взявший за основу своей деятельности решение наболевших проблем страны, получил бы громадный авторитет и новую легитимность в глазах народа. Стахович надеялся, что в таких условиях Государственную думу невозможно будет разогнать, как не удалось этого сделать с Генеральными штатами во Франции в 1789 г.

Издание Манифеста 17 октября 1905 г. ликвидировало разногласия в среде земцев-конституционалистов между П.А. Гейденом и М.А. Стаховичем с одной стороны, и сторонниками Шипова – с другой. Видные представители земств и городов А.И. Гучков, Шипов, Стахович, Гейден и др. приступили к созданию новой партии, основой программы которой стали главные положения Манифеста 17 октября²⁸. 1 ноября об этом было сообщено в печатном органе партии – газете «Слово», здесь же освещалась особая позиция Гейдена, Гучкова и Стаховича, выступивших на земско-городском съезде в ноябре 1905 г. против созыва Учредительного собрания, прямого избирательного права, автономии Польши и отмены военного положения в стране, но за водворение порядка и скорейший созыв Государственной думы²⁹. В то же время протоколы заседаний ЦК строившейся партии свидетельствуют, что уже тогда между Шиповым и Стаховичем, с одной стороны, и Гучковым – с другой, существовали определенные трения. Так, на Объединенном совещании петербургского и московского отделений ЦК «Союза 17 октября» 8 января 1906 г. Шипов и Стахович предлагали пригласить на Учредительный съезд все политические партии, программы которых близки к программе октябристов, а Гучков хотел ограничить число участников только членами своей партии³⁰.

На рубеже 1905–1906 гг. в городах Орловской губ. создавались отделы «Союза 17 октября». 13 декабря 1905 г. в Орле в доме дворянского собрания Михаил Александрович провел совещание своих единомышленников. Обрисовав в длинной речи задачи новой партии, он предложил высказаться всем желающим. Затем из присутствовавших в Союз записались 98 человек. Был избран временный комитет из 10 человек, председателем которого стал Стахович³¹. В Брянске уездный отдел «Союза 17 октября» возник 22 ноября 1905 г. в составе 32 человек. Возглавил брянских октябристов кн. В.В. Тенишев³². К концу января 1906 г. отделы Союза появились в Ельце и Ливнах во главе с М.А. Ростовцевым и А.Ф. Шереметьевым соответственно³³.

Однако скоро обнаружились организационные недостатки. «Союз 17 октября» отличался облегченными условиями приема новых членов и непрочными связями между отделами, что позволило В.В. Шелохаеву заявить, что Союз не был приспособлен к систематической работе³⁴. Этот вывод подтверждался положением, создавшимся в местных отделах «Союза 17 октября» в Орловской губ. В Брянском комитете, помимо

председателя Тенишева, состояли только В.И. Лукашев и А.К. Васильев, рядовых же членов не оказалось вовсе, хотя на учредительном собрании были заявлены 32 человека. Вся деятельность комитета сводилась к произнесению Тенишевым речей на предвыборных собраниях³⁵. Елецкий комитет Союза сосредоточился на издании газеты «Черноземный край», редактором которой стал лидер местных октябристов Ростовцев³⁶. Благополучнее всего обстояли дела в Орловском отделе, насчитывавшем благодаря усилиям Стаховича около 100 человек. 29 февраля 1906 г. в Орле на общем собрании избрали местный комитет и делегатов на готовившийся в Москве съезд. В комитет вошли 44 человека, но из-за многочисленности он оказался малоэффективным и ни разу не собрался в полном составе. Вся работа сосредоточилась в руках нескольких человек: Стаховича, кн. А.Б. Куракина, С.Н. Маслова, А.К. Юрасовского, Ф.И. Ромера³⁷.

На съезде «Союза 17 октября», открывшемся в Москве 8 февраля 1906 г. присутствовала представительная орловская делегация (Стахович, Куракин, Юрасовский, А.Б. Курдюмов, Н.П. Шманев и А.П. Никулин). Еще на этапе подготовки съезда было решено, что Стахович прочтет доклад «Об отношении “Союза 17 октября” к правительству». Вопрос этот считался чрезвычайно спорным и сложным, вызывая противоречивые чувства у делегатов съезда. «Заседание носит бурный характер, собрание имеет характер парламента», – зафиксировано в протоколе³⁸. Михаил Александрович вместо сухого изложения вопроса, обычного для съездов, произнес горячую и проникновенную речь. «Правительство показало, что оно прилагает все усилия, чтобы замедлить дело реформ, прилагает все старания к тому, чтобы принципы, выраженные в Манифесте 17 октября, оставались неосуществленными, – утверждал Стахович. – Но и мы, члены Союза не хотим и не можем себе представить дальнейшее существование России без изменения настоящего политического строя, без введения в стране конституционной монархии... Мы одинаково высказали себя противниками как тех, которые путем насилий, с оружием в руках хотели заменить Манифест 17 октября и конституционную монархию иным социальным строем государства, так и тех, которые всеми силами стараются удержать выгодный старый отживший строй. Манифест должен быть точно и непреклонно осуществлен, как он был дарован государем и принят от него народом»³⁹. Именно эти слова направили мысли и чувства делегатов съезда в выгодное руководству Союза русло. В прениях по докладу делегат от Санкт-Петербурга Поленов очень метко выразил впечатление, произведенное этим выступлением: «Мы слышали из уст Стаховича не речь оратора, а апостольскую проповедь». Пока собрание находилось под воздействием этой речи, Михаил Александрович зачитал и провел проект резолюции ЦК «Союза 17 октября» с требованием к правительству всеми методами ускорить созыв Государственной думы⁴⁰.

Стоит отметить, что земское движение с момента утверждения «Положения о земских учреждениях» можно рассматривать как подготовку к парламентской деятельности. Оболенский в своих мемуарах так описывал заседания Орловского губернского земского собрания: «Собиралось оно в огромном двухсветном зале Дворянского собрания, хоры которого всегда были заполнены многочисленной публикой. Ибо каждая земская сессия была большим событием в жизни орловского общества. На председательском месте восседал блестящий М.А. Стахович, являвшийся на открытие сессии в золотом камергерском мундире. Под его руководством прения протекали спокойно, как в маленьком парламенте, и каждому голосованию он предпосылал сжатую и ясную формулу возникших разногласий»⁴¹. В начале 1906 г. земские либералы готовились использовать свой «опыт демократии» уже в Государственной думе.

На губернском избирательном собрании 26–27 марта 1906 г. в Орловской губ. за места в Думе боролись два блока – кадетский (36 человек) и октябристский, дворянско-помещичий (37 человек). Остальные делегаты были крестьянскими выборщиками. За их голоса и развернулась основная борьба в Орле. Когда крестьяне-выборщики стали прибывать в Орел, Стахович устроил их в дворянском доме-пансионе, чем сразу пресек возможность общения с ними своих основных противников на выборах – каде-

тов⁴². На закрытом заседании своим представителем в Государственную думу орловские крестьяне избрали Н.Д. Алехина, ставшего первым депутатом от их губернии. Затем они вошли в общее губернское собрание, и здесь Стахович произнес перед крестьянами энергичную и прочувствованную речь, которая произвела на слушателей глубокое впечатление. В результате он был избран вторым депутатом Государственной думы от Орловской губ.⁴³ Однако дальше выборы зашли в тупик, так как во время голосования оба блока забаллотировали друг друга. Надежда на крестьянские голоса не оправдалась, так как разобравшиеся в избирательной процедуре крестьяне тоже решили устроить свой «блок», чтобы провести в Думу только своих депутатов. «Мы избрали себе столп – Михаила Александровича, и больше нам дворян не надо», – заявляли они. Черносотенцы, сориентировавшиеся в этой ситуации быстрее других, стали агитировать крестьян выбирать «солдат с медалями», надеясь на их молчаливость и управляемость в Думе, и противопоставляли отставным солдатам интеллигентов «в пиджаках»⁴⁴. В итоге вместе с крупным орловским помещиком Стаховичем в Государственную думу были избраны крестьяне-середняки Алехин, И.П. Голиков, И.С. Бибиков, И.Ф. Степин, А.К. Стефашин, Д.И. Зайцев и сельский учитель М.Е. Куканов. В анкетах все крестьяне заявили себя монархистами, Куканов – прогрессистом⁴⁵. Из кадетов в Думу от Орла был избран только один человек – Ф.В. Татарин⁴⁶. Монархические настроения и крайний консерватизм депутатов-крестьян⁴⁷ не помешали им присоединиться в Думе к трудовой группе и потребовать раздела помещичьих земель⁴⁸.

I Государственная дума начала свою работу 27 апреля 1906 г. День ее открытия воспринимался в стране как праздник. В Орле по этому поводу закрыли общественные и государственные учреждения, отменили занятия в учебных заведениях. Орловская дума постановила послать приветственную телеграмму председателю Государственной думы С.А. Муромцеву, отслужить молебен и ограничить время торговли в городе шестью часами⁴⁹. Орловчане и депутаты Думы от Орловской губ. обменялись приветственными телеграммами⁵⁰.

Орловские депутаты не составили в Думе единого представительства. Стахович, ставший вместе с Гейденом и Н.С. Волконским признанным лидером своей фракции, выступил против политических убийств, практикуемых революционерами, и проектов принудительного отчуждения помещичьих земель⁵¹. Скоро вокруг этих трех лидеров сплотились все консервативно настроенные депутаты I Государственной думы, составив партию (или фракцию) мирного обновления⁵². Из крестьян, присоединившихся к трудовой группе, особой активностью отличался Куканов. Он зачитал на заседании Думы приговор крестьян Куракинской волости Орловской губ. по аграрному вопросу, после чего заявил: «Наша страна земледельческая и благосостояние ее покоится на плечах трудящегося крестьянского населения. Из этого вытекает, что крестьян нужно как можно щедрее, как можно выгоднее наделить землей. Это можно осуществить, руководствуясь одним великим принципом: “Вся земля – всему народу!”»⁵³. Его поддержал Алехин. Крестьянские депутаты добивались «черного передела», наивно полагая, что обилие земли само по себе покончит с голодом.

Михаил Александрович активно возражал депутатам-трудовикам: «Я, не колеблясь, стою за увеличение площади крестьянского землевладения, считая его совершенно возможным и притом неотложным. Считаю, что это надо сделать щедрее и скорее, но совсем не на тех основаниях, которые здесь приводились. Эта реформа должна быть проведена не из-за веселенького слова “иллюминации помещичьих усадеб” и не из-за угроз. Я не скрываю, что я принадлежу к тем староверам, может быть, смешным в настоящее время, которые продолжают считать, что грабеж и насилие – грех и безобразия. Кроме того, я считаю, что к законодательному учреждению никогда нельзя обращаться с угрозами. Не может быть такого правительства, выбранного или назначенного, своего или пришлого, не может быть никакого правительства, которое согласилось бы уступить перед угрозами и насилием»⁵⁴. Стахович называл частную собственность проверенным двигателем культурного развития и

призывал защитить частную собственность на землю. Он настаивал также на том, что крестьяне должны получить землю обязательно в частную собственность, а не во временное пользование, как предусматривал проект кадетов. Но ему не удалось сгладить межпартийные противоречия, и отношения в Государственной думе обострились все больше.

Однако обсуждение в Думе аграрного вопроса очень встревожило правительство и помещиков. В сложившейся общественной ситуации проводить аграрную реформу было невозможно: слишком велик был риск, что с ее началом сам собой включится механизм «черного передела», который не остановится, пока вся земля не перейдет в руки крестьян. В подобных условиях разгон Думы был предрешен: 9 июля 1906 г. Николай II подписал соответствующий указ, воспользовавшись юридической ошибкой в ее работе⁵⁵. При всей предопределенности этого шага, он стал неожиданностью для думских депутатов и русской общественности. Левые думские фракции перебрались в Финляндию, где составили так называемое Выборгское воззвание, призывая страну к кампании гражданского неповиновения. 10 июля 1906 г. Гейден и Стахович прибыли в Выборг, чтобы отговорить кадетов и трудовиков от «опрометчивого политического шага»⁵⁶. Им это не удалось, и тогда Стахович, Гейден и Н.А. Львов выпустили свое воззвание, в котором призвали российских подданных беспрекословно подчиниться решению императора о роспуске Государственной думы⁵⁷. Но опасения лидеров октябристов оказались напрасными: Россия не стала защищать свою Думу, и кампания гражданского неповиновения не состоялась. Интересно отметить, что свое воззвание Гейден и Стахович подписали от имени Партии мирного обновления – именно в это время первому из них пришла идея дать «Союзу 17 октября» новое название⁵⁸.

После разгона I Думы в политической карьере Стаховича происходит очередной зигзаг. Он принимал участие в переговорах представителей политических партий с новым премьер-министром П.А. Столыпиным о создании коалиционного ответственного правительства, окончившихся безрезультатно. После этого в июле 1906 г. Стахович вместе с Гейденом создают новую политическую организацию – Партию мирного обновления⁵⁹. При этом Михаил Александрович продолжал оставаться членом ЦК «Союза 17 октября». Это двойственное положение сохранялось в течение августа и сентября. Поводом к окончательному разрыву со старой партией стало интервью Гучкова, в котором он выразил полное согласие с курсом Столыпина. Вследствие этого Шипов и Стахович заявили о выходе из Союза, а Гучков был избран его председателем⁶⁰. Выход Стаховича из «Союза 17 октября» произвел тяжелое впечатление на многих октябристов. «М.А. Стахович был душой нашей партии; он вел упорную борьбу, чтобы остаться в Союзе, – утверждал один из функционеров октябристов, А.В. Бобрищев-Пушкин, – и, только подчиняясь давлению большинства комитета своей партии, он прислал нам отказ»⁶¹. Но, скорее всего, сделать это Стаховича заставили не настояния Гейдена и Шипова, а невозможность сработать с более консервативным по своим взглядам Гучковым. В политическом спектре Российской империи Партия мирного обновления заняла место между октябристами и кадетами.

Михаил Александрович баллотировался во II Государственную думу. 3 января 1907 г. он начал новую избирательную кампанию выступлением в своем родном городе Ельце. Зачитав публике доклад о деятельности I Думы, Стахович вступил в открытый спор с кадетами и социал-демократами по вопросу об ответственном правительстве⁶². А на его выступление в Орле 17 января в помещении Орловского дворянского собрания пришло столько слушателей, что не все желающие смогли попасть в зал⁶³. 6 февраля 1907 г. там же открылось губернское собрание, которое должно было избрать в Думу 8 своих депутатов. Сценарий предыдущих выборов полностью повторился: в первый день избрали двоих – крестьянина М.А. Карпова и предводителя дворянства Стаховича⁶⁴. После этого собрание заседало еще 3 дня, пока относительным большинством голосов депутатами не были избраны профессор политической экономии С.Н. Бул-

гаков (беспартийный «христианский социалист», в Думе сотрудничал с фракцией кадетов), предводитель дворянства В.Г. Ветчинин (октябрист), А.А. Стахович (младший брат Михаила Александровича, кадет), кн. Куракин и крестьяне А.В. Черников и Н.Ф. Шведчиков.

После разгона II Думы М.А. Стахович в декабре 1907 г. был избран членом Государственного совета (переизбирался в 1909, 1912, 1915 г.) и сложил с себя обязанности губернского предводителя дворянства. С 1912 г. Стахович входил в Партию прогрессистов, позже в Прогрессивный блок. После Февральской революции 1917 г. он был назначен Временным правительством генерал-губернатором Финляндии, а в сентябре 1917 г. – послом в Испанию. Скончался Михаил Александрович во Франции и похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа⁶⁵.

Примечания

- ¹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. Т. 1. М., 1996. С. 113.
- ² Очерки истории Елецкого уезда. Вып. 2. Елец, 1996. С. 135–164.
- ³ Там же. С. 222.
- ⁴ Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1900 год. Орел, 1900 год. Орел, 1900. С. 6–7, 29.
- ⁵ Московские ведомости. 1899. № 340.
- ⁶ Там же. 1901. № 269.
- ⁷ *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 221.
- ⁸ *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 91.
- ⁹ *Шацилло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 годов. М., 1985. С. 34.
- ¹⁰ *Оболенский В.А.* Указ. соч. С. 222.
- ¹¹ *Лаверьев В.Я.* «Беседа» и тенденции к консолидации консервативных сил России конца XIX – начала XX веков // Отечественная история. 1994. № 3. С. 43–57.
- ¹² *Шацилло К.Ф.* Указ. соч. С. 119, 138, 222.
- ¹³ Там же. С. 119.
- ¹⁴ Орловские епархиальные ведомости. 1901. № 38. С. 1600–1601.
- ¹⁵ Орловский вестник. 1901. 25 сентября.
- ¹⁶ Орловские епархиальные ведомости. 1901. № 38. С. 1586–1599.
- ¹⁷ Орловский вестник. 1901. 25 сентября.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Орловские епархиальные ведомости. 1901. № 42. С. 1718.
- ²⁰ *Белокопский И.П.* Земское движение. Изд. 2. М., 1914. С. 102.
- ²¹ Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1904 год. Орел, 1904. Отдел 5. С. 4.
- ²² Орловский вестник. 1905. 11 сентября.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. 23 сентября.
- ²⁵ Пытаясь ослабить напор революционного движения в стране, Николай II подписал Манифест 6 августа 1905 г. и Положение о выборах в Государственную думу, которая должна была иметь законосовещательный характер. По распоряжению орловского губернатора К.А. Баясанова их отпечатали отдельно и разослали всем местным обществам через земских начальников для прочтения на сельских сходах. Русским обществом манифест был воспринят довольно прохладно: законосовещательная Дума уже не могла никого удовлетворить (Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО), ф. 593, оп. 1, д. 1059. л. 1–9; Орловский вестник. 1905. 19 августа).
- ²⁶ Орловский вестник. 1905. 14 августа.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 33.
- ²⁹ Там же. С. 144.
- ³⁰ Партия «Союз 17 октября»... Т. 1. С. 51–52.

³¹ Орловский вестник. 1905. 1 декабря. В «Истории политических партий Центрального Черноземья» председателем временного комитета назван кн. А.Б. Куракин (История политических партий Центрального Черноземья. Курск, 1995. С. 39), однако последний занял эту должность уже после выхода Стаховича из партии.

³² Орловский вестник. 1905. 1 декабря.

³³ История политических партий Центрального Черноземья. С. 39.

³⁴ Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 37.

³⁵ Орловский вестник. 1906. 28 февраля.

³⁶ Там же. 9 февраля.

³⁷ Там же. 30 января, 1 февраля.

³⁸ Партия «Союз 17 октября»... Т. 1. С. 119.

³⁹ Там же. С. 119, 121.

⁴⁰ Там же. С. 124, 132.

⁴¹ Оболенский В.А. Указ. соч. С. 221.

⁴² Орловский вестник. 1906. 30 марта.

⁴³ И это при том, что, по замечанию Шелохаева, «основная масса крестьян... была чужда партии октябристов и не только не вступила в ряды этой господской партии, но и систематически проваливала их на выборах в I-ю и II-ю Думы» (Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 47). Видимо, здесь сыграли роль личное обаяние Стаховича и его политический опыт.

⁴⁴ ГА ОО, ф. 1001, оп. 1, д. 15, л. 13.

⁴⁵ Орловский вестник. 1906. 29 марта.

⁴⁶ Там же. 15 апреля.

⁴⁷ Например, когда Алехину, герою обороны Порт-Артура, показали кадетскую газету «Речь», где он был назван кадетским депутатом, он пришел в ярость от того, что его «обозвали жидовским кандидатом» (Новое время. 1906. 5 апреля). Но это свидетельствует скорее не о подлинных политических симпатиях Алехина, а о его политической малограмотности.

⁴⁸ Один из крестьянских депутатов, Д.И. Зайцев, вернулся в Орел через 2 недели после открытия Думы в состоянии сильного стресса, спровоцировавшего кратковременное душевное расстройство. Он заявил, что Государственная дума не по крестьянской голове: «Там нужны не образованные только, а ученые люди» (Орловский вестник. 1906. 6 мая).

⁴⁹ Орловский вестник. 1906. 27 апреля.

⁵⁰ Там же. 28 апреля.

⁵¹ Партия «Союз 17 октября»... Т. 1. С. 17, 195.

⁵² Там же. С. 207.

⁵³ Орловский вестник. 1906. 2 июня.

⁵⁴ Там же. 8 июня.

⁵⁵ 20 июня 1906 г. для «успокоения» населения было опубликовано правительственное сообщение, гласившее, что аграрный проект Думы осуществляться не будет. На заседании аграрной комиссии Думы депутат Кузьмин-Караваев предложил обратиться к народу с контрсообщением. Последнее было принято, что юридическая дума не по крестьянской голове (Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 263).

⁵⁶ Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 109.

⁵⁷ Партия «Союз 17 октября»... Т. 1. С. 207, 379.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 156.

⁶⁰ Партия «Союз 17 октября»... Т. 1. С. 17.

⁶¹ Там же. С. 379.

⁶² Орловский вестник. 1907. 5 января.

⁶³ Там же. 17 января.

⁶⁴ Там же. 7 февраля.

⁶⁵ Очерки истории Елецкого уезда. Вып. 2. С. 222.